

— Знаешь... мой дорогой, жизнь, как струна. Коли ты ищешь, пока ты мыслишь, действуешь, она напрягается — натянутая твоя струна.

А как ослабнет...

Рассказ «Струна»

Илья Крупник

СТ
РУ
НА

 ЭТЕРНА

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К84

Дизайн обложки – Александр Архутик

Крупник, И. Н.

К84 **Струна: Повести и рассказы.** – М.:
Этерна, 2015. – 544 с.

ISBN 978-5-480-00296-6

Илья Крупник – странный писатель. В его прозе законы жизни порою срastaются с законами сна, и знакомые картины действительности, насыщенные зримыми, очень точными живыми деталями, оказываются фантастичнее любого вымысла.

Помимо повестей и рассказов в начале книги публикуется «Незабытое» – подлинные полевые записи работы на траловом флоте, островах Заполярья и вплоть до Южных Курильских островов.

В конце книги размышления автора о стиле, композиции, структуре произведений некоторых русских и зарубежных классиков – «Из писем задумчивым читателям».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

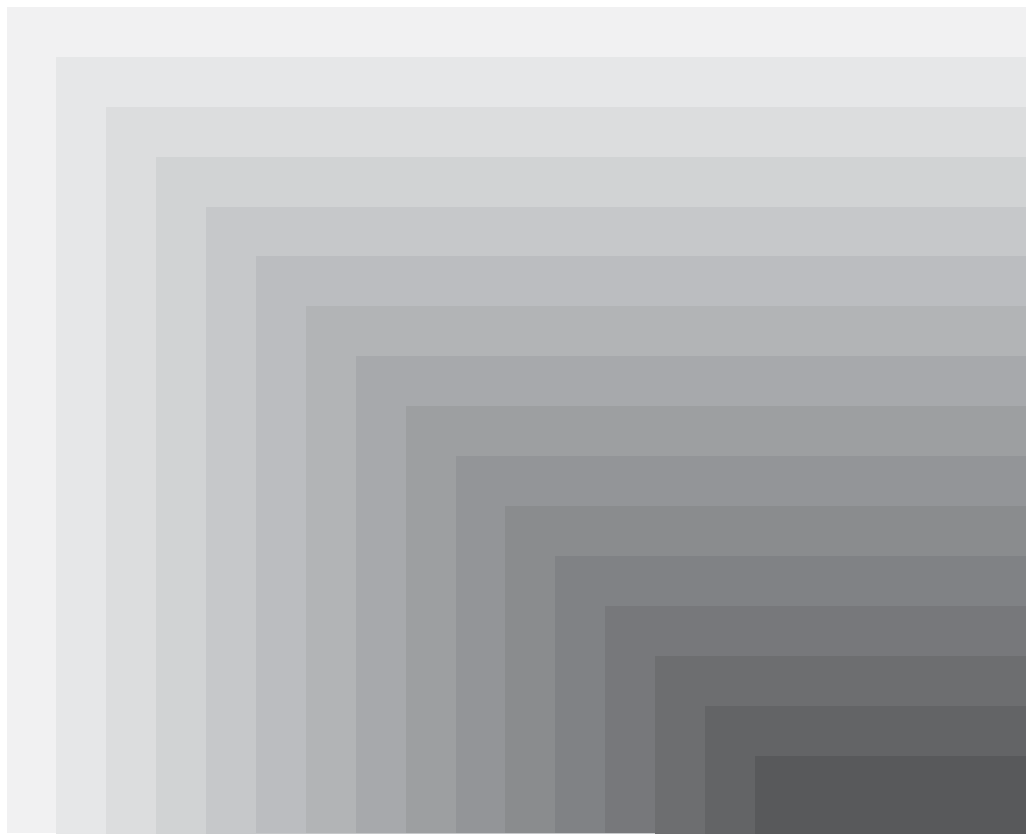
© И. Н. Крупник, 2015
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2015

ISBN 978-5-480-00296-6

Деле – всегда

НЕЗАБЫТОЕ

Из путевых записных книжек

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

9/X – 58 г.

С сегодняшнего дня я матрос поискового рыболовного траулера РТ-211 «Тунец». Вахта третья.

Стоим в Тюве-губе Кольского залива. Деревянные домишки на берегу, каменные сопки кругом. На ржавых громадных камнях, на чертовой высоте «автографы»: РТ-99, РТ-233 и пр. На крышах тоже, подряд (привет Маяковскому). У причала РТ-1 «Акула». Облупленный паровик 30-х годов. Т. е. «Они были первыми».

Наш корабль английской постройки. Кроме кубриков три каюты в трюме на носу. В двух четверо инженеров ПИНРО (Полярного института рыбного хозяйства и океанографии). Моя – на одного. Всё это целая история. Матросы называют: научно-фантастический рейс.

На корабль в экипаж я зачислен гидрологом, потому не в кубрике, в каюте. Но сейчас для гидролога работы нет, инженеры испытывают разноглубинные тралы. Капитан предложил мне вакантное: первого помощника (т. е. замполита), по-здешнему помпа. Я отказался, понятно. А тут

сошел с ума матрос перед отходом, выводили его, буйного, двое на берег. Я предложил вместо него себя.

Рыбачья банка

10/X – 58 г.

Ночная вахта. В рулевой рубке тепло, душно, качает. А воды не видно. Всё черно. Ночь. Лишь наверху, над полубаком, подскакивает луна, узенький лунный серп, вверх, вниз, вверх, вниз, вверх, вниз. И над головой всё качается ковш Большой Медведицы.

В рубке отсвечивает картушка компаса и еле-еле аксиометр, да еще медь машинного телеграфа. Мы идем строго по курсу.

Капитан рядом спрашивает удивленно:

– Вы когда-нибудь раньше стояли на руле?

Что ему отвечать...

– Да-а. А у нас матрос Неклюдов два года плавает, а стоять на руле не может.

(Что отвечать... Никто на корабле не знает, что моложавость выручает – что мне не 23, а 33, шесть дней назад исполнилось, что у меня в войну военно-морское училище, канонерка, действующий флот, что и в прокладке штурманской разбираюсь. Никто не знает, как захотелось через столько лет быть снова в море, что больше ни за что не буду я инвалидом, что и в тайге до этого, в 56-м, с геологами работал, а это очень многому еще научило. Якутские похождения перевернули мою сидячую жизнь после войны.)

Прожектор с мостика соскользнул в воду, и засверкал ваер — траловый трос. Белая лента ваера окунулась в голубое пятно на черной воде — след прожектора.

А на горизонте всплыли вдруг и тоже закачались огни. Шли траулеры. Много, много огней. Каждая кучка светлячков — это корабль. И в промежутках черная вода, черное небо.

Однако светлеет постепенно. Отделяется постепенно вода от неба. Показались темные полосы облаков. И над горизонтом заря: розовая и золотая полосы.

Подняли трал. Но не с рыбой, увы. Весь куток забит губкой. Отсюда, сверху, видно. Губки большие беловато-зеленые, словно тыква. И маленькие желтые, как репа.

12/X — 58 г.

Музыка плывет по кораблю, и каждые четыре минуты позывные радиомаяков.

Боцман выдал прорезиненную куртку, по-рыбацки — рокон, и такие же штаны — буксы.

Приборка на крыльях мостика, бешеный шланг, драйка квачем и щеткой стен рубки, соленые брызги из шланга, вспоминаю молодость.

Из стенгазеты «Тунец»:

«В редакцию нашей газеты поступила заметка от рыбмастера Братанова на боцмана. В этой заметке указывается на то, что якобы боцман выбросил за борт электрические моторы и два стопорных гака.

Была создана комиссия по расследованию этих фактов, но они не подтвердились, кроме того

факта, что боцман по своей инициативе употребил три банки конфет из неприкосновенного запаса».

Наш боцман, как армейский старшина, прижимист, ватник, вместо порванного, не выпросишь.

А Братанов солидный, кряжистый мужичок, для него боцман мальчишка, хотя большой, грузный (но всего-то в действительности на год меня старше — узнал, ему 34, а никогда не скажешь). И еще: у нас кок-повар вовсе не похож на разжиревшего и важного от обеденных проб, он худенький, деликатный и всегда в кепочке, в ней даже еще не вынута магазинная картонка.

Вообще-то наша команда, матросы (в плавании, не на берегу) простодушные и добрые, хотя и грубые ребята; правда, без всяких удил (тралфлот!). А улыбки хорошие, открытые. Относятся ко мне хорошо, тепло, оберегают (студент) при подъеме на палубу в качку громадных железных траловых досок, этих грузил трала. Видят, понятно, что не сачкую, сам всегда помогаю и вкальваю с полной отдачей. «Илье надо благодарность вынести (*это они после приборки*). И вообще, чего ты на гидру учишься? Поступай к нам, а то на траулер кормовой, денег зашибешь тысяч пятнадцать, и заработок хороший, и работа».

14/X – 58 г.

Дождь относит ветром. В окне рулевой рубки под прожектором не переставая нити дождя. Но

это не косой дождь: брызги летят параллельно воде, палубе, небу, летят влево. А между ними снежинки. Я уже слышал об этом ветре. Его называют «снежный заряд». Но пока еще снега нет.

Звонит телефон. У корабельного телефона странный «собачий» голос. Точно завывает собака. Но собаки нет.

15/X – 58 г.

Ночь. Качка. Спуск трала. На плече тяжелый груз мессенджера, ржавый гак свисает на грудь. Ташу на нос по колено в рыбе. Ноги скользят, в лицо брызги и чешуя, рыба слизь. Дотягиваюсь на четвереньках до решетки, цепляю гак.

А вокруг всё движется, скрежещет, и надо быть начеку, чтоб не обрушилось на тебя это железо, не стянуло сетями в море, да еще качка, и главное, знать, какая последует вот сейчас, сейчас операция спуска, знать, что делать.

В первую ночь ни черта понять не мог, тянул и тащил что говорили, пока не разобрался, да и они, как писал уже, вовремя оберегали. Потом освоился.

До подъема трала шкерим рыбу прошлого улова. У рыбодола — доска, где ее казнят, прокалываю пикой тресковые морды, цепляю камбалу за белое брюхо, кидаю на рыбодол, следующий отрубает голову, третий взрезает брюхо, вытягивая кровавые кишки и коричневую мокрую печень. Кишки в сторону, печень в открытый трюм.

И опять: согнуться, пикой в оскаленные морды, вскинуть на пику, швырнуть на рыбодол. И опять стук, хряк — рубит голову.

Наконец, тащим шланг, и — бешеный напор: смывает вода с палубы и досок кровавое наше дело.

И опять, опять: «Трал на борт», «Трави», «Выбирай», железный грохот многопудовых траловых досок, они ползут вверх, бухаясь наконец на фальшборт. Как ошалелые вертятся турочки лебедки подъема, и ползут, ползут тросы, лязгают цепи со всех сторон...

19/X – 58 г.

После чая в столовой команды долго сидят старожилы, вспоминают прошлое.

— У нас в деревне, я еще пацаном был, решили мы курам свет провести. Насовали пучки соломы в потолок и подожгли. Иллюминация! Сеновал, сарай, полдома сгорело. Отец тогда лупцевал нас, лупцевал (*он счастливо улыбается*).

— А у нас, — это «дед» говорит, старший механик Коля, ему 30, но всех старших механиков называют «дедом», — мы с ребятами костер в погребке развели, даже крыша занялась. Отец всё пытал, пытал: «Кто сделал?!»

Сидят размягченные, тихо говорят, курят, грустно улыбаются.

— Нет, — говорит Иван-моторист, — скоплю деньги, побуду до весны и мотну к себе, на юг.

Радист Гена (он фокусы в кубрике показывал и даже умеет кирпич на голове разбивать) ему не верит:

— Я за девять лет только раз до Москвы доехал и — назад. Деньги кончались. Так и не побывал на родине.

— А я, я выиграю «Волгу» по лотерее (*это Герасимчук*). Спишусь тогда к бису с корабля, на шофера учиться пойду и к себе на Украину уеду.

— Да подожди ты, не уезжай. Колымщиком хочешь стать? Поганым колымщиком? Не доедешь, бичом станешь.

(Как говорил мне на вахте старпом: по-английски «бич» — отлогий пляж, иносказательно, а попростому «чесать берег». Эти милые сэры, они все пьянствуют на берегу за счет моряков.)

20/X – 58 г.

Наш старпом Николай Владимирович одессит, такой у него яркий одесский выговор, ни с чем не спутаешь, а сам строгий, высокий, худой, двадцать лет он в море, изъездил весь мир штурманом и капитаном на торговых кораблях, он и на тральщике старается навести настоящий морской порядок, но строгостью тут не возьмешь, нельзя, даже взбунтоваться могут, и действует шуточками едкими своими, подковырками.

А капитан Василий Денисович мягкий и добрый, он всегда подтянут, выбрит чисто, аккуратный китель. Но глаза у него, если всмотреться, печальные, и пальцы иногда подрагивают. Ему уже 47. И судьба у него непростая. Был и радистом на зимовке в Главсевморпути (это всё мне старпом рассказывал на вахте) с 37-го по 39-й и с 40-го по 42-й. Потом армия, фронт. А с 45-го в тралфлоте, учился и справедливо дослужился до капитана, но по какой-то кляузе сняли с должности, он даже грузчиком работал, пока не разобрались и не вернули на корабль.

Он единственный, кого наш старпом на судне действительно уважает: справедливый, интеллигентный, хотя из совсем простой семьи.

21/X – 58 г.

Почему-то сплошь все малые портовые буксиры, снующие вперед, назад, такие крохотные и грязноватые, называются как миноносцы: «Смелый», «Стремительный», «Стерегающий» и т. д. А есть еще «Мираж», его сразу издали узнаешь: у одного из матросов ярко-красная турецкая феска.

Когда однажды в порту Николай Владимирович — он служил тогда старпомом на одном из тральщиков — был, как и все, на берегу, а на пустом корабле капитан оставил третьего штурмана, а тот с приятелем от тоски раскрутил запасной компас, и прикончили они компасный спирт. Но всё свалили на старпома, якобы он был там. За что и списали Николая Владимировича на этот «Мираж». Еле-еле по суду установили, что не он с третьим штурманом выпивали. И лишь потом, спустя время, направили к нам. Но у нас на судне многие его не любят за строгость и называют между собой «капитан-мираж».

А у меня с ним отношения самые хорошие. Он на вахте ночью явно отводит душу, рассказывает мне, где он бывал, разные морские истории, разные случаи, да и про аварии в «этой вот луже», особенно об одной, трагической, когда погибли почти все в снежный заряд, что особенно меня затронуло, так это всё было и совсем недавно.

24/X – 58 г.

Записываю, пишу всё и не хочу ничего скрывать, а, честно говоря, всё равно неловко мне и про это писать.

Лёня, инженер ПИПРО: «Два дня назад, – говорит он мне, – был я ночью на мостике, там капитан и старпом наблюдали за работой команды, говорили о тебе: хороший матрос, – это капитан старпому, – работающий, быстрый, спокойный и – неразговорчивый».

25/X – 58 г.

И опять Мотовский залив. День. Солнце. Тихо. Тепло. К борту идет разноглубинный наш трал. Плывут крутой дугой поплавки-кухтыли. Они близко уже. Вода над тралом отсвечивать начинает бирюзой. Очень яркой. И вот, вот появляются белые-белые капроновые нити.

А вдали из глубин выступает квадратная черная башня атомной подводной лодки.

(Хорошо помню, как 23 сентября 58 года еду на поезде в Мурманск. У меня направление от ВНИРО – Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. В Мурманске должны взять на корабль в тралфлот гидрологом.

Несколько дней в библиотеке изучал, конспектировал «Практическую океанографию» В. Снежинского, зарисовывал в блокнот приборы.

А когда ехал вдоль залива, потом от Кандалакши мимо озер, всё смотрел и смотрел в окно, вспоминая 56 год. Другой, конечно, но тоже

Север. Может, и смешно звучит, а всё как родное. Здесь осенью поразительно.

Сплошной бордово-красный ковер на земле, желтые листья осин и карельских берез, между ними темные ели. А на ярком ковре, как чугунные, глыбы валунов.

Кандалакшский залив, серое Белое море, из воды такие же торчат валуны. Дичайшая красота, настоящая.

Вот и Мурманск. 4 октября 33 исполнилось. И корабль пришел РТ-211, куда зачислили в экипаж гидрологом.

Молодые ребята и две девочки чертят итоговые графики рейса, графики температур, солености и др. и учат меня (я представился им: студент, мол, заочник второго курса, работаю в типографии), они очень одобряют, что сам решил пройти практику, поплавать, «потом и за третий курс можешь сдать».

Девочки, конечно, начали гадать, сколько мне лет. Рискнул и скинул себе десять лет. И утвердили, наконец: да, как и им, двадцать три. «Он на Федьку похож: выглядит постарше, а глаза молодые».

Даже не выдержал: признался, сегодня у меня день рождения. И все обрадовались: устроим складчину, «вы студент и мы студенты». Устроили торжественно.)

8/XI – 58 г.

Вахта на гидрологическом мостике.

Рейсы к Западному Шпицбергену до кромки льда. И к Новой Земле.

«Берем станцию». Судно стоит, качаясь на волне. Ждет, когда кончим работу.

Спущенный из гидролебедки трос раскачивается в воде. Ветер. Дождь со снегом. Всё черно.

Низкие леера. Цепляем, цепляем, перегнувшись, батометры на трос. В лицо брызги соленые, ветер.

У меня помощник Коля — новичок-«салажонок», худой, рукастый, демобилизован недавно из армии. Всё просил поменяться ремнем с ним: у меня медная бляха с якорем еще с войны. Наши ребята прозвали его в насмешку Жора. И шуточки вечные: принеси ключ от шпигата (дырка для стока воды с палубы), надрай лапу якоря и пр. Он не обижается уже, даже откликается на Жору.

9/XI – 58 г.

Темнеет теперь к 13 часам. А до того такое праздничное зеленоватое море. Разве что около Печорской губы, где глубина 23 метра, цвет воды совсем другой — коричневатый, и волны мелкие. Будто идем по реке.

12/XI – 58 г.

Дневная станция не удалась. У борта «ходит и ходит» касатка. То подныривает под тральщик, и громадная, узкая, как торпеда, ее тень видна сквозь воду. Выныривает вдруг у борта ее морда «рот до ушей», потом скользит горбатая спина, а на прощанье появляется для нас хвост.

14/XI – 58 г.

А в каюте тепло. Слышно, как работает вентилятор, беспрерывно. Когда замолкает, просыпаться ночью от тишины.

Я теперь не один в каюте, в другой – на двоих. Со мной Гера-ихтиолог. Разговоры о жизни. «Современная жизнь (это из Блока в 1909 году) есть кощунство перед искусством. Современное искусство есть кощунство перед жизнью». Это у Геры томик Александра Блока. Гера знает много стихов наизусть.

Потом вдруг:

– Ты гуманист, Илья?

– Гуманист... Ну... как все нормальные люди.

– Не-ет, не как все. Тебе в жизни, думаю, немало обид пришлось перенести. И очень тебя, наверно, больно задевало. Ты переживал, конечно.

– Ну всё это не совсем так. Нет.

– А всё равно считаешь, что почти все люди хорошие? Да? Добрая душа...

Нас прерывает, мы слышим тоскливый гудок. Это значит, идет опять снежный заряд. И снова наши разговоры, и снова гудок, как рефрен.

17/XI – 58 г.

Наше судно «рыскает», плохо слушается руля, не идет прямо. Это особенно если ветер в корму. Надвигается шторм. Ветер норд-вест. Сплошная стена серой воды рушится на полубак, судно ныряет. В лицо хлещет ледяная крупа. Как «братъ станцию»? Палуба обледенела. Ледяные белые леера, свисают белые, обледенелые цепи. Ячеи траловой сети как

ледяные пальцы. Штормуем, «подрабатываем на волну», «торчим носом на волну».

18/XI – 58 г.

Хочу объяснить Коле (не буду звать его «Жорой», хотя ребята вовсе не зло, добродушно в общем), что такое и для чего наши «станции». Мы ведь разведчики. Выясняем, где лучше ловится рыба, в каком районе. Температура воды, соленость, прочее дает понять, где рыбе хорошо. Точки «станций» соединим в конце работы линией на плане: вот он круг, здесь удачный район. В сентябре, октябре, — говорит Гера, — рыба плохо обычно ловится. А сейчас ноябрь, скоро зима. Записываю всё здесь, на «станции», вот в эту, — объясняю Коле, — гидрологическую книжку, еще угол троса, осадки, давление, температура воздуха. Потом в бланк: местоположение «станции» и т. д.

20/XI – 58 г.

Наконец-то подходим к Шпицбергену. Но на берег «добро» не дают, хотя виза есть. А так хотелось всем отдохнуть. Работа моя матросом была куда живее, гидрологическая однообразней и почти непрерывней, не то что «трал на борт», спуск, уборка, рыбодел. Потому и записываю меньше.

28/XI – 58 г.

Уходим. Новая «станция». Днем. Палуба оттаивает. И опять «станция».

Но вот оно — «однообразие»: трос с батометрами занесло под корму. Надо сразу, сразу прове-

рять: зацепились ли они за винт, это очень похоже. Сейчас, когда штурман даст ход и...

Коля обвязывает меня длинным куском запасного троса, закрепляет конец в гидролабораторной будке. Лезу через борт, одной рукой держусь, другой, нагнувшись, шарю в воде, дергаю, дергаю. Вот, вот, наконец, — где застряло. Нагибаюсь все ниже, ниже. Сейчас свалюсь... Качка. Брызги. Ну!.. Отцепляю, фу-ух, господи...

Уже декабрь. 1958 год.

Рыбы в тралах всё меньше. Вместо рыбы вытянули акулу.

Она лежала на палубе на боку, огромная, шершавая, серая туша, длиной метра три. Ее кожа, как наждак, жесткая, крепкая, вся в пупырышках. Акула издыхала, тело ее становилось рыхлым. Вчетвером мы так и не смогли ее перевернуть.

Когда она затихла, надо разделявать и избавляться от нее. Даже странно, такое чудовище можно запросто рубить, как простую рыбу. В ее желудке почти непереваренный тюлень-детеныш, камбала и вся наша другая, знакомая рыба.

Ну вот, только-только разрешено войти в зону после испытаний на Новой Земле. Мы входим в зону первыми. Капитан приказал кормить пока команду из консервов, выловленную рыбу ни в коем случае не есть.

Первым послушался «втихую» третий штурман Слава, кудрявый, почти мальчишка. Он выдает себя за лихого одессита. Это мода появилась. Старпом так заметно по-одесски говорит, но

он-то и вправду одессит, все знают. Поначалу неприязненно к этой «одессе» относились, старпома ведь не любят за строгость. А теперь вот даже моторист из Краснодара тоже «одессит». Слава заучивает одесские песенки (откуда только взял их?), чтобы надрывно, с «одесским» завыванием распевать под гитару.

Наш кок-повар в кепочке приготовил — чтобы не одни консервы — еду из креветок, божился, что их еще до зоны выловили. Привирает, конечно.

А мы все с удовольствием едим этих креветок, красноватых, скрюченных сейчас рачков, мясо точно у крабов, только сладковатое чуть-чуть.

Гера назвал по латыни *Pandalus borealis* (если точно передаю) и еще другой вид. Рачки длинноногие, с тонкими длинными усами, тепловодные, но заходят и до Земли Франца-Иосифа и Шпицбергена.

Поскольку работы с тралами сейчас куда меньше, «станции» все время, да и рыбы опять-таки мало, смотрим часто кино в кают-компани. У нас с собой три фильма: «Ив Монтан и Симона Синьоре в Москве», «Солдаты» (по Виктору Некрасову «В окопах Сталинграда»), третий всё забываю название.

Вот так сидим мы, «как баре», поедаем из мисок креветок и смотрим на Симону Синьоре, такой удивительный у нее женский шарм, слушаем песни Монтана и идем, идем и едем с солдатами.

И всё это обрывается гудками: сплошной снежный заряд. Выбегаем, закрываем лица: с огромной скоростью параллельно палубе летят не нити уже,

а снег. И — шторм. Сила ветра, выходит, 10 баллов, а волны... Море покрыто пеной... Траловые доски обледенели, на бобинцах и кухтылях наплывы льда, свисают, раскачиваются, обламываются сосульки под полубаком, сосульки на всех тросах.

И вокруг всё уже стало белым: весь корабль обледенел.

Волны всё выше, всё сильнее и — наконец удар! Прямо в скулу траулера. С такой силой, что вот сейчас, сейчас мы... корабль перевернется, и все мы в воде, в ледяной воде, и на мгновение слова старпома: почти все погибли тогда в снежный заряд.

25/XII – 58 г.

Очень трудно ходить по неподвижной земле, болят ноги, особенно голени. В порту белый дым, в двух шагах ничего не видно.

Я попрощался со всеми ребятами на судне, мне было с ними хорошо, попрощался с капитаном Василием Денисовичем и со старпомом Николаем Владимировичем.

(Ко мне домой потом приходил даже боцман, он, оказывается, тоже москвич, приходил наш старший гидрологической группы; в общем, те, кто из Москвы. Через какое-то время я вдруг получаю извещение, что на почте мне лежит денежная премия из Мурманска, от тралфлота. Первая в моей жизни такая вот премия.)

А я всё шел, расставив широко ноги, по городу, по Мурманску, как говорят здесь, а не в Москве. Я могу теперь отправить Леле письмо и мальчику моему, а не только радиogramмы, и получить пачку ее писем.

Над домами розоватый туман, непонятно почему, а пониже ленивый, грязный дым. Мороз. Хотя я одет тепло.

Я, наконец, получил адрес того тралмейстера, который выжил, когда все люди погибли, того, о ком рассказывал мне на вахте старпом. Его зовут Зайцев Павел Михайлович. Он не ходит теперь в море, работает в порту.

Мы сидим у него дома, он говорит, ему больно, но он сдерживается. Он помнит даже до деталей, что бывает так редко, но это ведь совсем недавно, а для него на всю жизнь.

Я вышел, иду по городу, но будто не по городу совсем, а только сопки и люди эти погибают.

Я шел вверх и понял, что я в центре, это перекресток, так называемый «Пяти углов». Завернешь под тупым углом — улица, она тянется прямо, все дальше, дальше и просто уходит в сопку, на ее склонах деревянные хибары. Это окраина.

Я стою. Потом иду вверх. Ветер норд-ост, но я тепло одет. Иду с трудом по обледенелому снегу, его корка трескается, как стекло, я проваливаюсь в снег по колено. Сопки, одни сопки впереди и белые, ледяные, как из латуни, телеграфные столбы... Люди, они же шли раздетые почти, выплывшие из ледяной воды, господа.

Ветер чуть не сбивает меня с ног. Я не могу идти дальше, я делаю еще шаг, еще. Не могу...

(Я написал потом повесть об этом. Писал абзац и останавливался. Было такое чувство, что я иду с ними, у меня болело сердце. Я писал долго. О них, обо всех. Я не знал их, конечно. У меня там люди, которых знал я. Но они лишь прототипы, измененные понятно. Единственный — Зайцев [у меня Гусев], какой он был, и я словно прошел, дошел, вместе с ним, не погиб. Повесть называлась «Снежный заряд».

Она о том, как помогали друг другу в этом пути. И о подлости, да, подлости того капитана Телова [у меня Теплов], чей корабль прошел мимо погибающих на сопках. Этот человек хорошо видел севшее на камни судно и черточки бредущих по снегу друг за другом людей. Он ничего не сделал, а он мог, и даже не дал в порт радиogramмы о них.

Ни один журнал не брал эту повесть, хотели явно только «о положительном». Валентин Катаев в «Юности» попросил, чтобы пригласили меня в редакцию.

— Вы тоже шли с ними? О-чень ощущается.

— Нет. Но я это хорошо знаю.

— Зачем же вы о подлеце. Написали бы, что они шли, несли ну, что ли, какой-нибудь денежный ящик, что ли.

— Какой ящик? Люди погибли.

— Ну это [у него ведь тоже одесский акцент!..] это же ли-те-ра-ту-ра.

Повесть вышла потом в краткую «оттепель» в 1962 году, вошла в состав первой моей напечатанной книги. И название ее — «Снежный заряд».

Были рецензии во многих журналах и газетах; кажется, было вместе с опубликованными до этого рассказами «Топь» и «Сержант» таких рецензий 22. Столько, сколько лет потом, после второй книги «На этой земле», ничего не хотели больше у меня печатать. В нашем главном московском издательстве зав. отделом так и сказала, усмехаясь: «Пишите оптимистические поэзы, тогда и будем публиковать».)

27.12.2014

СОДЕРЖАНИЕ

НЕЗАБЫТОЕ. Из путевых записных книжек	7
Баренцево море	9
Платформа	28
Лючихеза	49
ГТС	61
Курильские острова	70
Туркмения	78
Семь островов	90
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	115
Хромой бес в Обыденских переулках	117
Цвет песка	195
Дверь	243
Только небо	264
Фьють	291
Дурной глаз	321
Через столько лет	363
Струна	380
Сабадель	410
Человек из-под стола	428
Город Делфт	458
Бессмертие	495
Потоп	500
ИЗ ПИСЕМ ЗАДУМЧИВЫМ ЧИТАТЕЛЯМ	511
<i>Благодарность</i>	540

Литературно-художественное издание

КРУПНИК ИЛЬЯ НАУМОВИЧ

СТРУНА

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Ведущий редактор *Н. В. Комарова*
Художественное оформление: *А. Б. Архутик*
Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать 14.09.2015 г.
Формат 84×108/32. Печать офсетная. Печ. л. 17,0.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., 59а
Тел./факс (485) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru